

Сегодня, сейчас. Разговор о бумаге, или Скорее рано, чем поздно

Я не думал, что буду так скучать по ней. И вспоминать даже чаще, чем Киру, которая — она таки была права, эта сидящая сейчас напротив женщина, — от меня ушла. Кира меня бросила, как и предсказывала Светлана Владимировна — Светочка, Лючия, Серый Волк, Светка-зараза, которая напророчила, накаркала, сглазила... Или же она просто была права с самого начала? Мы изначально оказались несовместимо разными? И все остальное выросло именно отсюда? А вовсе не потому, что я привык жить по-своему, а Кира совсем иначе? Да и, кстати, — нет, вот уж совсем некстати! — мы оба были лидерами, то есть людьми, непреклонными в своих заблуждениях. Что и доказали друг другу многократно.

Мы прожили вместе чуть более полугода, и... да, Светочка, да! Все произошло так, как ты и предрекала! И еще: по твоему лицу понятно, что ты наверняка уже все о нас знаешь. К тому же это твое любимое занятие — все знать. Увлечение, хобби, работа, коллекционирование, процент на старость... которая тебе пока не грозит, о нет! Поскольку ты очень успешно сопротивляешься ее малейшим поползновениям: изо всех сил стреляешь глазками и принимаешь изящные позы. А еще ты дефилируешь на невообразимых каблуках, не отстаешь от моды — вернее, всегда движешься на шаг впереди; ты тестируешь все новинки косметологии — от кремов с черным трюфелем до масок с черной же икрой, — затягивая свое упорствующее и не сдающееся диетам тело в то, что тебе к лицу. Да, дорогая моя Светик, на тебя приятно взглянуть — если бы все не портило невинно-паскудное выражение твоего лица! По которому быстро и ясно считывается не только ежом, но даже

и дикобразом: меня ты встретила ну совершенно случайно! Мать ты ехидна... забредшая в район, куда в жизни не заходила, и сидящая здесь за напитком такого качества, от которого у тебя даже последняя горничная отвернется. Но, честно говоря, я и сам не пойму, что тут делаю. Почему с упорством, достойным лучшего применения, я сюда прибредаю? Наверное, это своего рода епитимья. Наказание, наложенное на самого себя. За Киру. За наши глупые склоки. За ее слезы. За мои едкие слова, говорить которые я так хорошо насобачился... Да и за тебя, Светка, тоже, если уж подписывать чистосердечное...

— О, кого я вижу!

— Привет, — отвечаю я, плюхаясь рядом. — Откуда ты тут?

— Проездом со слета джедаев! — прямо отвечает бывшая мадам Серый Волк. — А тут портал открылся по ошибке... — Она небрежно болтает ложечкой в чашке, но меня не проведешь. Я знаю, что она явилась по мою душу. Или же я сам так часто о ней думал, что она в конце концов материализовалась?

— Не пей — козленочком станешь, — откровенно предупреждаю я, обеспокоенный видом и запахом напитка в ее чашке. Что это ей такого набодяжили?

— Стасов, ты что, до сих пор сказки пишешь? — Серый Волк игнорирует мое предупреждение и жмурит свои зеленокарие глаза. — Да, кстати, я твою книжку купила... сказки то есть. И была неприятно удивлена! Почему это Серый Волк у тебя а: мужик и бэ: такой малопривлекательный персонаж?

— А ты думала, я его с тебя спишу? — в свою очередь удивляюсь я.

— Я думала, что ты мыслишь нестандартно! — Она все-таки решает отведать заказанной бурды, делает глоток и морщится.

— Я абсолютно банален. — Я смотрю на мадам с сочувствием, но старательно задвигаю его в самый дальний угол, стараясь ничем себя не выдать, — да потому что это же Светка! Если ей хотя бы показать палец, она оттяпает и все целиком. Вытряхнув попутно и то, чего ты не стал бы рассказывать даже семейному психологу. И даже выпивши. Даже все-все выпивши.

— Слушай, — говорит она и отпихивает чашку на безопасное для здоровья расстояние, — зачем ты сюда ходишь? Разве

это кофе по-венски? Это же что-то невозможное! Это... я просто приличных слов не нахожу!

— Дорогая моя, и не надо их искать! Такие слова тебе не к лицу, — с прекрасно различимым злорадством говорю я. — И потом, кто тебе сказал, что я хожу сюда ради кофе? Тем более по-венски?

— А зачем тогда? Сюда что, еще и лучшее в мире божоле привозят? И ты спешешь отметиться, чтобы не упустить момент? Пишешь номерок на ладони химическим карандашом и внимательно следишь, чтобы тебя не обскакали бодрые местные аборигены, подсевшие на божественный нектар после портвяхи? Пардон, месье, но вас тут не стояло! — фыркает она.

— Может, я захаживаю, чтобы набрести на хороший типаж, — огрызаюсь я. — Или мне, в отличие от тебя, здесь все нравится!

— Щас! — Светлана Владимировна, она же Серый Волк, хватает своей когтистой лапой мою чашку и сначала сует туда свой любопытный нос, а затем делает глоток. — Еще хуже, чем мой! — припечатывает она. — Я думала, может, тебе тут хороший варят... как заслуженному деятелю культуры! А у тебя и вовсе кашки летучей мыши, причем позавчерашние!

— Выбирайте выражения, мадам! — Я пробую обидеться и мямлю: — Просто он уже остыл!

Мой кофе в самом деле безнадежно остыл — да и я сам тоже потерял запал... И мне даже не интересно, зачем она все-таки явилась, — та, которая могла бы купить все здешнее заведение вместе с его разбавленным кофе и с неопрятным хамоватым бариста. Купить, нисколько не напрягаясь финансово. Походя, так сказать... как я — плавленный сырок и кефир в супермаркете неподалеку. Хотя зачем Светлане Владимировне может понадобиться этот недобитый общепит — вот в чем вопрос?

— Знаешь, на самом деле большинство не отличает хорошего от плохого, — примирительно бормочу я. — Люди не различают ни настоящего кофе, ни вина... и настоящая литература им тоже ни к чему. Что сейчас читают?..

— Твои сказки! — веско вставила моя собеседница. — На каждом углу! Хит сезона!

— Разве? — удивляюсь я. — Мне кажется, на каждом углу читают Пауло Коэльо...

— Даже не сомневайся! — уверяет меня Светлана. — Ты впереди! Вон, кстати, девица за столиком у окна... и она тоже!

Я недоверчиво разворачиваюсь всем телом и пялюсь: действительно, девушка весьма приятной наружности читает мою книгу!

— Это лишь подтверждает сказанное, — бурчу я, не желая сдаваться. — Что я прав и толпа не может состоять из дегустаторов! Людям все равно, что пить и что читать. Все красное, например, для подавляющего большинства на один вкус, и все книжки — просто бумага... И мир не принадлежит гурманам и романистам, что бы они о себе ни воображали!

— Ладно... философ! Пусть так! И выходит, я искала тебя как раз затем, чтобы поговорить о «просто бумаге», — насмешливо фыркнула та, которую я привык называть Серым Волком.

— Только не намекай, что ты хочешь снова пригласить меня вести мастер-класс или, не дай бог, расследовать убийство!

— А что не так было с мастер-классом?

— Ты еще спроси, что не так было с убийством! Которое плавно вытекло как раз из этого самого мастер-класса!

— По-моему, у тебя началась мания величия! — бросила она. — И если тебя не интересует хорошо оплачиваемая и не слишком утомительная работа на всем готовом... Что ж, я скажу ему, что мы не договорились!

— Не надо изъясняться загадками! Какая такая работа и кто этот он?

— Твой старый знакомый Николай Николаевич. Помнишь такого?

Разумеется, я помнил! Более того, на память о знакомстве с этим Николаем Николаевичем (он же пряткий старикашка Ник Ник, а также вдовец, похоронивший пять жен, олигарх, спортсмен и эт цетера, эт цетера) у меня остался шрам на голове, по которой сей джентльмен меня огрел, приняв за террориста, покушавшегося на его драгоценную жизнь. Шрам был также памятью о Кире — это она накладывала шов почти

год назад. Тогда мне казалось, что мы не расстанемся больше никогда... И мы расстались.

— Да, — почему-то севшим голосом подтвердил я. — Помню.

— Он попросил меня передать тебе большой привет, а также пожелание, чтобы ты, как мастер пера, на него поработал. За очень солидное вознаграждение. Сумма не озвучивалась, но он просил, чтобы ты ему позвонил. — Света щелкнула замком сумочки и достала визитку. — На. Звякни, как выберешься из этого вертепа.

Она, вероятно, хотела добавить еще что-то, но, видимо, мое лицо не слишком располагало к дальнейшему общению.

— Спасибо, — запоздало сказал я ей уже в спину.

Сказал, потому что благословлять руку дающего нужно всегда, особенно в тех случаях, когда ты еще и виноват перед этой рукой. А я был виноват. Я некрасиво расстался и с этой женщиной тоже. И много раз хотел ее увидеть, чтобы извиниться. Увидел и... не извинился. И, похоже, снова ее обидел. Хотя бы тем, что показал себя снобом и неблагодарной скотиной. Мог бы расспросить, поинтересоваться, все ли у нее в порядке! Да, пустой треп — но так делают все воспитанные люди! Все, кроме меня.

— Увидимся!.. — совсем уж вдогонку бросил я, не уверенный, что она расслышала, ведь проговорил это скорее для успокоения собственной нечистой совести, чем действительно желая еще одной встречи. — Увидимся... — повторил я еще раз, совсем самому себе. — Когда-нибудь увидимся... но скорее поздно, чем рано!

В этом, как и во многом другом, я также, увы, ошибался. В следующий раз мы увиделись — и скорее рано, чем поздно.

***Сегодня, сейчас. Ни холодно ни жарко,
или Кактус, которому не привыкать***

— Здра-а-авствуйте, Лев Вадимович! — Меня приветствовали даже не как старого знакомого, а скорее как друга. — Очень рад, очень рад!